

ВОСПОМИНАНИЯ О С.Я. ДОЛЕЦКОМ

ГРАФОВ А. К.

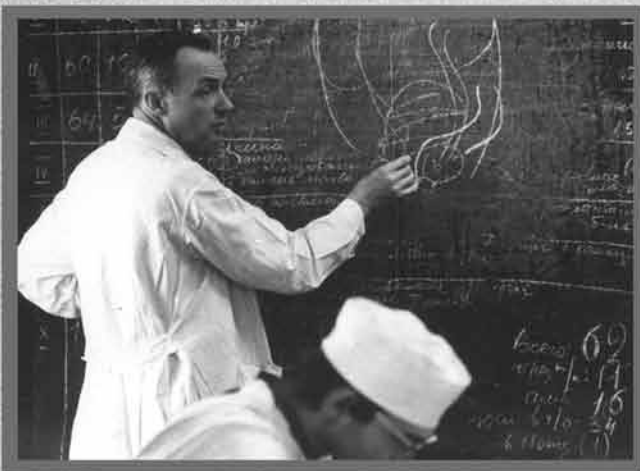
Доктор медицинский наук, профессор

Недавно на телеканале «Дождь» услышал очерк Алены Долецкой о своем отце, С.Я. Долецком. Это короткое эссе для непосвященного зрителя – дань памяти, любви и уважения дочери к своему отцу. Все сказано очень корректно, в интеллигентной форме, без намека на знаменитость и профессиональную значимость С.Я. Долецкого как ученого, академика, детского хирурга, Учителя для многих хирургов бывшего СССР.

Передо мной вырезка из газеты «Орловская правда» за июнь 1973 г., ко Дню медицинского работника. На фотографии профессор С.Я. Долецкий и врачи-интерны Орловской областной больницы, на которой я, молодой хирург-интерн, запечатлен рядом со Станиславом Яковлевичем.

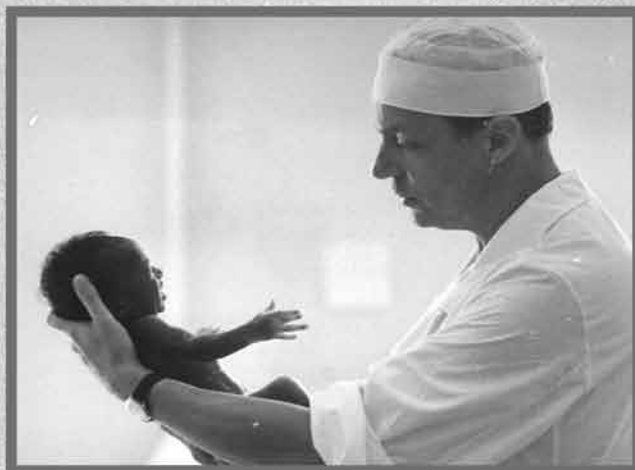
Это были первые выездные курсы усовершенствования врачей, проводимые кафедрой детской хирургии Центрального ордена Ленина института усовершенствования врачей. До этого работники кафедры провели выезды во Фрунзе, в Сухуми и Душанбе. Обучение вели две группы ученых. Первую группу возглавил профессор Виктор Васильевич Гаврюшов. Вместе с ним приехали доцент Виктор Павлович Киселев и ассистент Алексей Борисович Окулов. Их сменили профессор Станислав Яковлевич Долецкий, доценты Ирина Антоновна Королькова и Валерий Михайлович Балагин.

Это уже история, но надо сказать, обучение в то время воспринималось врачами в буквальном смысле. Посещаемость курсантами была 100%-ной, к тому же на лекции приходили свободные от работы врачи всех специальностей. Маленький лекционный зал областной больницы

не мог вместить всех желающих, не хватало мест – принесли стулья, сидели по двое. Тишина, слышно каждое слово лектора, все что-то пишут, потом диспут, ответы на вопросы, решение ситуационных задач, обсуждение и т.д. Теперь другие времена, другие ученые, да и врачи не те. Нет того азарта, простоты, честности, может быть, того таланта, самоотверженности, увлеченности...

Все ждали приезда Станислава Яковлевича Долецкого. Что я знал в то время о детском хирурге С.Я. Долецком? Читал его монографии «Паховые грыжи у детей», «Диафрагмальные грыжи у детей», двухтомник по детской хирургии

в соавторстве с Ю.Ф. Исаковым, «Гнойно-воспалительные заболевания новорожденных» в соавторстве с А.И. Ленюшкиным. Заведующая отделением детской хирургии Орловской облбольницы Нонна Тимофеевна Назарова, знавшая Станислава Яковлевича лично, сказала, что его жена – известный хирург-онколог Кира Владимировна Даниэль-Бек.

Лекция. Читать должен профессор С.Я. Долецкий. Лекционный зал полон. Быстро ходит мужчина среднего роста, лет за 50, с залысынами, полон энергии, жизнерадостный, излучающий какой-то теплый свет и начинает рассказывать об остром аппендиците у детей. Никаких конспектов у него нет, просто ходит между рядов и говорит. Как это все запи-

сать? Видя нашу растерянность, говорит: «Мою лекцию можете не записывать, особо важные моменты я вам продиктую».

Прошло почти 40 лет, но я помню эти важные замечания: «Операции у детей требуют принципиально других мануальных навыков»; «Динамическое наблюдение за ребенком – это не записи в истории болезни через каждый час, а время для дополнительного обследования»; «Без нужды не оперируйте детей по ночам, не тащите в операционную, ткнув спросонья палец в живот»; «Возможности детского организма беспредельны – помогите ему, а не лечите»; «Марлевый тампон в брюшной полости у детей – очень плохо»; «Не ампутируйте

ногтевые фаланги у детей при открытых переломах, делайте ПХО»; «Не начинайте общее обезболивание у детей, не поставив зонд в желудок».

Показательные операции проводились в Орловской областной больнице и в городской больнице скорой помощи им. Н.А. Семашко, где в то время было детское хирургическое отделение. Курсантов и врачей, желающих посмотреть, как работают ученые, было так много, что ни одна операционная не могла их вместить. Брали подставки, размещались по росту за спиной ассистента, а помыться с профессором С.Я. Долецким было пределом всех мечтаний. Нам, молодым, оставалось смотреть из-за спин, ожидая в любой момент, что старшая операционная сестра возьмет тебя за рукав халата и бесцеремонно удалит из операционной за то, что у тебя нет сменной одежды, не та маска, нет бахил и т.д. Причин очень много – возражать бесполезно. Поэтому мы видели только руки оперирующего, слышали, как подают в руку, с легким шлепком, инструменты, да комментарии по ходу операции. Бросается в глаза легкость в работе рук, нет крови на перчатках, уверенность, четкость, слаженность и еще что-то непонятное. Слышу рядом реплику: «Не работает – играет. Виртуоз!».

Много позже, сделав много тысяч операций, увидев, как оперируют очень и не очень известные хирурги, по-

нял – это была музыка. Операционный стол, пациент, руки хирурга, музыка, космос... Рояль, руки пианиста, музыка и космос!.. Души наши в космосе, но у пианиста они возвращаются обратно, у хирурга одна может остаться там. Дай Бог, чтобы было как у пианиста. Мажор не переходил в минор. Дай Бог! И кто скажет, что хирург – не пианист? Кому легче? Аплодисменты или тихое «Спасибо за работу», жужжание дыхательного аппарата, суэта анестезиолога... Возвращение души.

Потом мы неоднократно встречались со Станиславом Яковлевичем на различных съездах и конференциях. Он читал лекции на секциях по детской хирургии, а я слушал лекции по гастроэнтерологии. В перерывах, когда все собиралось в фойе, он непременно меня узнавал, подходил, здоровался, спрашивал: «Как работа?». Что я мог ответить академику? Работаю, без комментариев. Для хирурга «работаю» – это уже неплохо, от дела не отошел, не сломался. Хотя с годами понимаешь, что хирург постепенно выгорает. Не как свеча, а внутри, когда оболочка еще цела. У разных хирургов это происходит по-разному: кто-то быстрее, а кто-то еще тлеет. Не всем дано от Бога гореть ярко, как Учитель.

Молодость, начало профессиональной работы, лекции знаменитого академика, первые самостоятельные операции, стремление равняться на него оставляют неизгладимые впечатления на всю жизнь.

Оноре де Бальзак в «Обедне безбожника», посвященной своему другу Огюсту Борже, размышляя о трагической жизни знаменитого французского хирурга Деллена, написал: «Слава хирургов подобна славе актеров. Они существуют, лишь пока живут, а после смерти талант их трудно оценить. Актеры и хирурги, а также, впрочем, великие певцы и музыканты, удесятеряющие своим исполнением силу музыки, – все они герои одного мгновения».

Прав ли был писатель? Сто, тысячу раз неправ. Да, судьбы хирургов у большинства непростые, часто трагические, но они остаются в памяти, пусть не у народа – у учеников. От них – к другим ученикам, еще ученикам и так бесконечно.

О хирургах мало пишут, плохо говорят, часто забывают даже пациенты, которым тот оказывал хирургическую помощь. Нет передач по телевидению, а если и показывают, то ерунду, внешний блеск – непрофессионально и глупо. Был Виталий Вульф – была передача «Мой серебряный шар». Нет его – нет передач в телеэфире. Не так это просто говорить о творческих людях. Нужен талант, такой же, как у актера. Нужно любить творчество актера. А кто любит хирурга? Нет среди медиков такого Виталия Вульфа. Будем ждать.

Прошло много лет, по хирургическим понятиям – почти жизнь. Роль Учителя все возрастает. Как он был прав! Невольно вспоминаешь древнегреческий миф. Дедал, Ариадна, ее возлюбленный Тезей, путеводная нить, лабиринт... Наши Учителя дают нам в руки эту нить. Мы идем по ней – порой тяжело, порой останавливаемся, но не выпускаем ее из рук. Вкладываем ее в руки своим детям, ученикам и вновь идем. Куда? Становится светлее, легче дышать, нить натянута, дети и ученики идут следом. Все в порядке. Лабиринт пройден, клубок впереди. Ты его пока видишь, потом он исчезает, но нить тянет. Вверх... уже вверх. Темнеет, нить как струна, тихая музыка и космос... К душам, которые ты там оставил и где твой Учитель. Страшно?... Ты работал, стремился не подводить своего Учителя. Не всегда получалось? Так бывает. Но тебя предупреждали? Я не Бог. А Учитель? Подобен Богу. Вечная память. Вечная память... Вечная память...